

В.А. Меркулова

Институт русского языка РАН
Москва

Диалектная лексика и этимология

Отношения диалектной лексикографии и этимологии двусторонни. Этимология в некоторых случаях может помочь в идентификации омонимов, уточнении семантики слова. Ср., например, **бор** 'лес' и **бор** 'просо', первое из праслав. ***borgъ**, а второе из ***byгъ**.

Что касается роли диалектной лексики в этимологии, то в первую очередь надо сказать, что само разделение лексики на литературную и диалектную для этимологии не является существенным, точно так же, как и деление на различные сферы употребления. В любом праславянском словаре практически нет ни одной статьи, где не была бы представлена диалектная лексика.

Первые выпуски ЭССЯ были завершены в 1969 г., в семидесятые годы вышло множество русских и белорусских диалектных словарей. Начали издаваться капитальные полные диалектные словари, такие как "Псковский областной словарь с историческими данными" (См.: Пск. обл. сл.) "Словарь брянских говоров"¹, "Архангельский областной словарь" (См.: АОС), "Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе паграніччя" (См.: Слоўнік) и мн. др. Введение в научный оборот огромного диалектического материала существенно изменило наше представление о географии исконных лексем, об изоглоссах их распространения. Возникла необходимость в дополнениях к ЭССЯ. Эта работа была осуществлена А.Ф. Журавлевым². Только на материале

¹ См.: Словарь брянских говоров. Л., 1976. Вып. 1.

² См.: Журавлев А.Ф. К уточнению представлений о славянских изоглоссах: (Дополнения к лексическим материалам "Этимологического словаря славянских языков"). М., 1990. Ч. 1–2.

восточнославянских и лужицких источников автор сделал 1600 дополнений к статьям ЭССЯ. Если же привлечь материалы всех славянских языков, дополнений будет еще больше. Они, несомненно, составили бы отдельный том словаря. Так, А.Ф. Журавлев не привлекает материалы словаря Т.Р. Стешкович по гродненским говорам³, где мы находим интереснейшие лексемы; см. **ча́до**, толпа, множество: *Вун йакб́йа сабралас а ча́до лудз ё́й*; **чы́лы** незнакомый и мн. др.

А.Ф. Журавлев не включает в свою монографию новые статьи, а это как раз и составляет наиболее важную и ответственную часть работы. Таких статей, естественно, не может быть очень много. Установлюсь лишь на некоторых вопросах, связанных с этой проблемой.

Вопрос о лексемах, сохранившихся в славянских языках только в связанном виде. Ср., например, праслав. ***dorvъjъ** ‘добрый, хороший, крепкий’, сохранившееся в ***sъdorvъjъ** (рус. **здоровый**) и ***nedorvъjъ** (рус. *диал.* **недоровой** ‘предвещающий беду, несущий в себе зло’ – Деулин. сл., 334). Такие праславянские образования должны существовать в словаре по крайней мере в качестве отсылочных⁴.

Вопрос о производящей основе. Как правило, такие лексемы встречаются в виде единичных примеров. Тем более на них должно быть обращено внимание. Так, для прилагательного ***męкъкъjъ** В.Махек предполагал производящую глагольную основу и писал о существовании в праславянском с большой долей вероятности глагола ***mękti** (Machek², 358). Этот глагол был зафиксирован в “Словаре русских говоров Забайкалья” **мягчи** ‘мять’ (Элиасов, 217). Таковы все факты, подтверждающие существование прилагательного ***lęgyjъ** ‘легкий’ без суффикса **-ък-**, ср. производные **легач**, **легастый**. **лѣга** ‘легко’, **лѣготь** ‘поплавок’ и т.д.

Обнаружение производящих глаголов направляет наше внимание на их поиск. Производное слово ***(s)kridlo** ‘крыло’ говорит о существовании в древности глагола ***skriti** ‘летать’,

³ См.: *Сцяшковіч Т.Р.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.

⁴ См.: *Słownik prastowiański.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1982. T.4. S. 122.

так же, как и **pero*, **pariti* – глагола **perti* ‘летать’; производные **siti*, **sita*, **sitynikъ*, **sěť* указывают на существование глагола **siti* ‘плести’, имя *uslo* ‘затканная ткань на стану’ – на глагол **usti* ‘ткать’, производные **orkyta* и **obrexъ* – на глаголы **orčiti* и **rěšiti* ‘вязать’. Эти глаголы были вытеснены глаголами **letati*, **plesti*, **тъkati*, **vezti*, пришедшими, как правило, из экспрессивной лексики.

Вопрос о существовании изменения семантики в группе синонимичных глаголов в зависимости от изменения самого состава группы, включения новых членов, обновления семантики и т.д. Ср. изменение семантики в составе синонимического ряда глаголов со значением ‘беречь’ в связи с включением в нее ц-слав. *хранить* и т.д. Этот раздел исторической лексикологии и семасиологии практически не разработан, что приводит к невольной модернизации материала. Так, наблюдение показывает, что семема ‘быть бережливым’ в ряду глаголов со значением ‘беречь’ появляется довольно поздно, а древним значением является ‘охранять от злых сил’. Глагол **bosti* на протяжении истории языка резко сузил свое семантическое наполнение, но производные говорят о том, что его семантика была достаточно широкой, ср. *убодъ* ‘склон, обрыв, круча’⁵, ближе всего стоящее к лит. *bedu best* ‘копать’, *bedre* ‘углубление, дол’

Приведу несколько примеров праславянской лексики, которые нам дает диалектная лексикография последних лет и некоторые другие источники.

1. **vojъ*: укр. *диал. вой* ‘водоворот’⁶. Архаичное образование от **viti* с чередованием *е / о* как **lojъ* от **liti*, **bojъ* от **biti*. В славянских языках широко представлены приставочные формы: **navojъ*, **rovojъ* и др.

2. **žito*: рус. *диал. жіто* ‘жизнь’: *Эстоль натерпелася в жіте-то; Жіто у меня худое было, нечего хорошего сказать* (СВГ 2, 89). Производное с суф. *-t-* от **žiti*.

⁵ Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1993. С. 176.

⁶ Там же. С. 183.

3. ***sъkrižati**: рус. диал. **скрижать** 'писать': *А скрижѣли раньшы днюжа харашо, асобина харашо писали бѣгавы книги* (Донской сл. 3, 126). Ср. с-хорв. **крижати** 'резать' (ЭССЯ 12, 178). Буквы могли рисовать краской, см. соотношение ***pъsati** 'писать, разрисовывать' и ***pъstrъ** 'пестрый' и 'резать' ("черты и резы"), ср. праслав. ***križati**.

4. ***navidъ**: рус. диал. **навид** 'любовь, ласка': *И по бѣлу свету солдат бедной таскается, И без навиду, победной, призамається*⁷.

Гл. ***naviděti** представлен в большинстве славянских языков: болг. **навидя** 'навестить', макед. **навиди** 'навестить, зайти в гости', с-хорв. **навидјетисе** 'жить в дружбе, согласии', чеш. **naviděti** 'любить', польск. **nawidzieć** 'любить, ласкать', др-рус. **навндѣти** 'навестить, посетить, чтобы увидеть, пови-дять; наблюдать; быть расположенным к кому-либо, любить кого-либо', рус. диал. **навидеть** 'любить', укр. **навидіти** 'любить', блр. **навідзіць** 'любить'

Производное ***navistъ** значит 'любовь, приязнь, расположение'.

Широко отраженное в славянских языках прилагательное ***navidъnъjъ** 'любимый', образованное с суф. **-ъn-** от ***navidъ**, говорит о том, что география слова ***navidъ** первоначально была иной.

5. ***oblъjъ**: в русских говорах наряду с общеславянским **облый** 'круглый' представлено специфическое значение: **об-лый** 'слабый, худой'⁸, **воблый** 'худой'⁹ Это значение объясняется следующим примером: **вобла** 'кора дерева без сердцевины с остатками древесины по окружности', т.е. 'худой' как 'пустой внутри'¹⁰

6. ***gatja**: рус. диал. **гачи** 'ноги', 'руки' (СРГМ 1, 111): *Убери гачи, дай пройти.*

⁷ Барсов Е.В. Причитания северного края. М., 1982. Т.2. С. 228.

⁸ Картотека Псковского областного словаря. (Межкафедральный словарный кабинет Санкт-Петербургского университета).

⁹ Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989. Вып. 2. С.60.

¹⁰ Там же.

Очень интересны в этой связи слов. *gača* 'развилка дерева'¹¹, в-пуж. *hаса* 'два или несколько ответвлений на одном древесном стволе'¹²

Еёможно, что руки и ноги воспринимались как отростки и этимологически были связаны с глаголом движения. Ср. рус. *побѣг* (у растения), блр. *дiал. рухнуць* 'побежать, начать расти' (Слоўнік 4, 319). В этом случае несомненно, что производящим является гл. **gati* 'идти'.

7. **bola*: рус. *дiал. бола, болва* 'заболонь дерева'¹³.

Обычным названием заболони в славянских языках является слово **bolнь* (ЭССЯ). Предполагать обратное образование у нас нет оснований, так как слово очень древнее. Слово **bolнь* имеет тот же корень, что и *bolto, běľ* (с продлением из **bel*), ср. лит. *balnas* 'светлый, белый, беловатый'. Для слова **bola* 'заболонь' ближайшей родственной формой может быть лит. *bala* 'болото'. В ЭССЯ нет.

8. **къньсь*: рус. *дiал. княчѣк* 'князек крыши' (СВГ 3, 72). Ср. слов. *knjâczk* 'суковатая колода' к праслав. **кънь* 'колода'. Рус. слово является формой уменьшительности: **кънь* → **къньсь* → **къньськъ*. В ЭССЯ нет.

9. **kustь*. Праслав. **kustь* не имеет этимологии. О.Н.Трубачев делит слово на **ku-stь* и относит к **stojati*, как **pro-stь* (ЭССЯ 13, 137–138).

Рус. *дiал. кѹсто* 'много': *У меня робят кусто было* (СВГ 4, 24), подтверждает эту мысль. Мы имеем наречие, образованное из прилаг. **kustь(jь)*.

10. **комъха* / **комуха* / **кумъха*.

Болг. *дiал. муши* 'моросить (о дожде)'¹⁴ ближе всего соотносится с рус. *дiал. мха* 'мелкий дождь' (костр. – ТЭ)¹⁵.

¹¹ Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1960. T.1. S.664.

¹² Pfuhl K.B. Zausitziscg-weidisches Wörterbuch. Bautzen, 1866. S. 193.

¹³ Словарь брянских говоров. Вып.1. С. 66.

¹⁴ Стойчев Т. Родопски речник // Българска диалектология. София, 1965. Т.2. С. 211.

¹⁵ Об этой группе слов с отнесением ее к лит. *mušti* 'бить' см.: Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских гла-

Думается, что хотя такая связь и возможна, она не является обязательной. Обычно семемы 'мелкий дождь' – 'моросить' связаны с семемами 'туман' – 'мелькать, мерцать' – 'дремота, сон' Ср. **migati* – **migytěti* – **мъѣа* – **мъжити* со значением слов *мжа*, *памжа* 'мелкий дождь, туман; плохое самочувствие, дремота, болезнь' Представляется поэтому, что праслав. **мъха* 'мелкий дождь' должно быть связано с гл. **ро-мъšiti se* 'померещиться', ср. рус. *диал.* *помшилось*.

По-видимому, к этому же гнезду слов относятся *мха* 'медвяная роса' (= 'вредная роса, туман'), *күмоха*, *кóмуха*, *комоха* 'лихорадка' и *помха*, *памха* 'эпидемия'

См. *кóмоха* 'лихорадка; простудное заболевание в виде сыпи, гнойных ранок на губах' (СРГМ 3, 60). В слове *күмоха* связь со словом *кума* является вторичной и народно-этимологической. Мы имеем в этих словах экспрессивные префиксы *ko-* и *ku-* и варианты основы *-мъха* / *-муха*. Семантика слов *кóмоха* и *памха* очень близка к слову *мха*. Как павший ночью вредный туман (роса), нанесший ущерб урожаю, так и неожиданно наступившее недомогание, болезнь воспринимаются как беда, несчастье. Состояние природы и состояние человека ощущаются как нечто единое. Ср. *мóрок* 'темнота, туча' и 'темнота в глазах, потеря сознания, затмение' В обозначении неясного света, смены света и тени, тумана лежит идея колебания, движения, ср. праслав. **migati* и **мьгла* 'туман' Праслав. **ko-мъха*, **ko-муха*, **ku-мъха* должны восходить к глагольной основе со значением движения, то есть к и-е. **meu-* 'двигаться', ср. лат. *movere*, рус. *диал.* *намхать* 'неожиданно появиться' (Мельниченко, 118). В ЭС-СЯ отсутствует.

11. **šćedръѣ*: рус. *диал.* *щёдрой* 'красивый, привлекательный, вызывающий симпатию' (СРГСУ VII, 62).

Литературное слово *щёдрый* является церковнославянизмом. Этимон этого слова 'дробить на мелкие части' (см.

Фасмер IV, 499). Но наряду с церковнославянским в восточнославянских языках было и свое слово, ср. блр. **шчодры**.

Есть две возможности объяснить семантику рус. *диал.* слова:

а) ‘дробить на мелкие части’ → ‘мелочь’ → ‘мелочный товар, галантерея’ → ‘украшенный’ → ‘красивый’, ср. типологическую параллель в отношении **щепать** → **щепеть** → **щепетильный, щепетной**.

б) ‘дробить на мелкие части; драть’ → ‘задиристый, бойкий’ → ‘хороший’ → ‘красивый’ Ср. этимологию слова **хороший** < **хог-ош-ьѣ** к ***sker-** ‘драть’ и рус. *диал.* **ощедриться** ‘ощетиниться’ (СРГСУ III, 104), ср. ***xorxoriti se**.

12. ***rūma**: в древнерусских памятниках представлены слова **рюма** ‘эпилепсия’, **рүма** ‘обморок’, см.: ...**рюмою шинбенъ** (Георг. Ам.), **Да никто же имать ѿти яко рюма бѣ** (Ев. толк.) (Срезневский I, 370), не имеющие этимологии. Некоторые исследователи связывают **рюма** ‘эпилепсия’ и **рюма** ‘плакса’ и считают их одним словом (см.: Фасмер III, 353).

Эпилепсия имеет много ярко проявляемых внешних признаков: человек во время приступа падает, теряет сознание, бьется в судорогах. Помимо большого числа оценочных наименований (**черная болезнь** и др.) среди названий эпилепсии значительное место занимают слова, калькирующие лат. **morbus caducus** – **падучая болезнь, падучая, падучка, паданица** и др. О связи наименований эпилепсии с глаголом со значением ‘падать’ говорят многочисленные тексты: **Отъ исписания неконхъ словесъ, нияшетъ страсть, рюмою шинбенъ вздрючашеть бо ся** (Георг. Ам.), **Вздрючающаяся въ времена лоуныя** (Мстислав. ев.), **Взрютится внезапно ниць** (Ефр. Сир. 1377) (Срезневский I, 370), где представлен глагол ***rutiti**, ***rūtiti** ‘падать’ с приставкой **въз-** и вставным **-d-** в корне.

Как глагол ***rušiti** произведен от ***ruxъ** ‘движение’, так и глагол ***rutiti**, скорее всего, образован от ***rutъ** ‘движение (в частности, вниз), падение’. Оба слова заставляют нас предположить существование производящего глагола ***ruti**, ***rūti**

‘двигаться’, от которого с суф. **-ma** (ср. ***kosma**) образованы ***ruma** и ***r'uma** ‘эпилепсия’. Сохранение значения движения см. в укр.: *В субботу инспектор рум до хати* (Гринченко IV, 87–88).

Рус. *диал.* **зрюмище** ‘о маленьком, худеньком ребенке’ (СВГ 2, 177), вероятно, из ***vъz-r'um-išče**, первоначально, вероятно, означавшее ‘ребенок, который страдал родимцем, детской формой эпилепсии’.

13. ***gōt'nyjъ**: праслав. ***gostъ** не имеет этимологии. В.Махек сопоставил это слово с чеш. **hutný** ‘плотный (о ткани)’ (Machek², 192). В “Псковском областном словаре” мы находим целое гнездо слов с этим корнем. Наряду с **гутно** безл. предик. ‘о густом зарастании кустарником, травой’ мы имеем **гуť** ж.р. ‘густые непроходимые заросли кустарников в лесу’, **гутливо** ‘то же, что **гутно**’; **гутить** ‘смешивать что-нибудь при приготовлении кушанья’: *Ня нада гутить, а то ня фкусна будя* (Пск. обл. сл. 8, 89). И в то же время прил. **густой** отмечено в значении ‘плотный’

Такие находки целой группы древнейших праславянских форм исключительно редки. Все эти лексемы должны быть включены в ткань праславянского словаря.

14. ***ęgliti (se)**: рус. *диал.* **яглиться** ‘гнуться, сгибаться под углом в суставе (об органах движения)’: *Руки не яглятся* (СРГСУ VII, 68); **яглиться** ‘двигаться, шевелиться; сжиматься, сгибаться’: *Нога не яглится, ходить не дает; Руки от стужи отерпли, не яглятся. Пальцы не яглятся, окостенели* (нижегор., астрах. – Даль IV, 672).

Глагол **яглиться** может быть интерпретирован двояко. Он может быть объединен с глаголом **яглиться** ‘ладиться, спориться’, **яглить** ‘сильно хотеть; мочь’ и восходить к причастию на **-l-** от гл. ***ęgti** ‘мочь’, соотносимого с лит. **jega** ‘сила’, **jegti** ‘мочь’. Причастие на **-l-** от этого глагола отражено в рус. *диал.* **яглая земля** ‘тучная, черная почва, чернозем’, **неяглый** ‘неумелый, неловкий’ (Мельниченко, 222)¹⁶

¹⁶ См. также: Słownik prastłowiański. T.6. S. 131.

В случае такой интерпретации значение ‘гнуться, сгибаться’ является частным по отношению к ‘двигаться, быть в силе, мочь’ Остается неясным происхождение рус. *дигло*, *ягглово* ‘скотина, задранная медведем, волком, мертвечина, падаль, упадь, стерво’ (нижегор., костром. – Даль IV, 672).

Но возможно и другое решение. Мы вправе предположить, что гл. *яглиться* ‘сгибаться’ образован от причастия на -л- от несохранившегося гл. **egti* ‘гнуть’: **egti* — **egljь* — **eglitl* (se). Гл. **egti* находит соответствие в лит. *engti* ‘угнетать, притеснять; драть, рвать, бить, лупить’. О возможности существования этого глагола говорится в шестом выпуске ЭССЯ в статье **ęga*: “Строго говоря праслав. **ęga* представляет собой в формальном отношении отглагольное имя, производное от некоего гл. **egti*, не засвидетельствованного непосредственно в праслав.” (ЭССЯ 6, 68–69). Принимая во внимание синкретизм значений ‘гнуть – губить’ мы вправе связать реконструируемый глагол **egti* с **ęga* и **rogьlь*. В этом случае *яггло* ‘падаль, мертвечина, стерво’ является субстантивированным причастием **egljь(jь)* и значит собственно ‘то, что погублено’ Ср. сопоставление рус. *стерво* ‘падаль’ с нем. *sterben* ‘умирать’ При всей исключительной сложности образа бабы-яги слово **ęga* может быть реконструировано со значением ‘гибель; погубительница’ и уже более конкретно ‘болезнь; зло; удушье, кошмар’ и т.д. Связь гл. **egti* с **rogьlь* может быть подтверждена отношением *ęk-* / *ok-*, восходящим к **ank-* ‘гнуть’, ср. **ęcaja*, **ęсьму*, **pa-okь*, **za-okь*, **okotь* и **egti*, **ęga*, **egljьlь*, **eglitl* (se), **rogьlь*, восходящие к и-е. *ang-* ‘гнуть’.

Вопрос о происхождении слова *яггло* остается открытым. Возможно, что оно связано с глаголом *яггати* ‘гнуть’, который встречается в древнерусских текстах. Вспомогательные слова, использованные в тексте, являются реконструкциями, основанными на данных, приведенных в ЭССЯ.